

Прагматическая синонимия и антонимия в политическом дискурсе

В зарубежной филологии давно утвердилась традиция изучения языка политической коммуникации. В отечественном языкознании было не принято исследовать лингвистические особенности официальных советских политических текстов, за исключением произведений классиков марксизма-ленинизма, прежде всего по идеологическим соображениям [3:37]. Поэтому лингвисты обращались к западным источникам, анализируя язык и стиль буржуазной пропаганды, а советский политический дискурс оставался «terra incognita» [5:132].

Однако в последнее время наметилась тенденция включения современной политической коммуникации в число объектов филологического исследования. Такой интерес к данной проблеме имеет экстралингвистическую и лингвистическую обусловленность.

Политический язык (политическая речь), участвующий в формировании и функционировании политики, представляет собой элемент общей политической культуры общества, которая включает «культурное наследие социума в сфере политических отношений, институтов и сознания, а также совокупность политических ценностей и норм» [7:409].

По способу передачи информации язык политики подразделяется на вербальный и символический (специальные знаки, эмблемы, ритуалы и др.). В функциональном плане разграничивают «ведомственный» язык (инструкции, распоряжения, переписка и др.) и более доступный общепотребительный язык публичной политической речи, который и рассматривается в данной статье.

Языковое оформление политического материала отличается от других видов письменных и устных текстов некоторыми характерными чертами, и для обозначения данной языковой подсистемы используются следующие термины: «политический стиль речи» [4:87], «функциональный стиль политики» [6:60], «язык политики» [6:60; 2:156; 8:5], «язык политической информации», «язык пропаганды и агитации» [10:83], «политический дискурс» [1:11].

Разнообразны и определения этого понятия. В научной литературе последних лет [1] язык политики рассматривается как: 1) один из видов аргументативного дискурса, 2) триединство вербального, невербального (паралингвистические средства) и экстралингвистического; 3) особая форма коммуникации, обеспечивающая возможность достижения общественного согласия; 4) сущность политическая, лингвистическая и культурная; 5) символика социальных отношений, одна из форм скрытого социального давления; 6) отражение мировоззрения и убеждения индивида; 7) широкое понятие, в котором выделяются частные подвиды: дипломатический, «президентский», личностный, авторитарный дискурс, дискурс избирательных кампаний и др.

В данной работе выражение «язык политики» используется для определения особенностей литературного языка в конкретной тематической, функциональной сфере: в социополитическом контексте.

Человек и общество живут в идеологическом пространстве, поэтому политическая деятельность глубоко идеологична по своей сути, а политический язык характеризуется ярко выраженной идеологической направленностью. Его концептуальную основу составляет закреплённая в общественном сознании ценностная «картина мира». Таким образом, политическая коммуникация представляет собой определённую систему применения языковых средств и особую модель коммуникативного процесса, очерченного идеологической рамкой, где пропагандируются взгляды, идеи, оценки, связанные с политическими интересами носителей языка. В идеологическом узусе происходит актуализация идеологического статуса коммуникантов, идеологически релевантной тематики и языковых средств экспликации идеологического содержания.

Отражая политическую деятельность общества, политическая речь становится национально-специфичной. Её предметной областью является конкретная социальная действительность и социальные отношения, поэтому в языке политики идеологический и этнокультурный факторы неразрывно связаны и взаимообусловлены. Они придают каждому национальному политическому дискурсу неповторимое своеобразие. Учитывая идеологическую заданность политической коммуникации, приоритет имеет идеологический компонент. Поэтому при межъязыковом общении для достижения адекватного понимания и восприятия политической информации идеологические коннотации должны быть переданы в полном объёме. На данном этапе общественного развития идеологическая проблематика в лингвистике становится особенно актуальной. Текущая политическая жизнь представляет собой сложный процесс, связанный с глубокими и динамичными переменами, выражающимися в отказе от прежних идеологических установок и создании иной системы ценностей.

С изменением идеологической направленности общества советский политический язык, обозначенный французскими лингвистами и социологами термином *la langue de bois* (бюрократический язык) уходит в прошлое. Формируется новый в концептуальном и языковом плане политический дискурс. На этот процесс существенное влияние оказывает политическая структуризация современного общества. Радикальные перемены в социуме и сознании привели к конфронтации социальных ценностей и политическому противостоянию их носителей. На основе ценностного размежевания происходит идеологическая дифференциация общества, формируются различные по своим политическим интересам группы людей.

Существование нескольких часто оппозиционных доктрин воздействует на языковую сферу. Возникают идеологически обусловленные разновидности одного и того же национального языка, используемые конкретными социально-политическими структурами для усиления влияния своих идей. Каждое политическое направление создаёт отражающее его идеологию «языковое поле», куда входят ключевые политические термины, символы, специальная политическая лексика, слова-лозунги. С помощью «языкового поля» в употребление вводится набор политических суждений и идеологических установок. В отличие от советского официального языка политики современный политический дискурс характеризуется идеологической неоднородностью.

Принцип идеологической ориентированности политического общения воздействует на семантико-прагматическое моделирование смыслового содержания языковых единиц на всех уровнях: лексическом, синтаксическом, стилистическом, текстовом.

С точки зрения непосредственной связи с внеязыковой действительностью и отражения национально-культурной специфики наиболее показательным является лексический уровень.

Исследовать процессы влияния идеологии на лексико-семантическую систему языка удобнее всего в периоды крупных социальных перемен, так как в эти моменты они наиболее ощутимы и легко наблюдаемы. Для русского языка такой исторической вехой после Октябрьской революции 1917 г. является 1991 г., связанный с распадом Советского Союза и крушением моноидеологической системы.

Глубокие социальные сдвиги и политический плюрализм определили интенсивность идеологически обусловленных языковых процессов. Возрастание социальной активности слова убедительно подтверждает роль языка в формировании и изменении общественного мнения. Французский исследователь Е. Морен, подчёркивая важность подбора лексики в политическом дискурсе, замечает, что идеологические столкновения не сводятся только к словесным баталиям, но это — также сражения, которые разыгрываются с помощью слов [11:125].

Ядро политического словаря составляет собственно политическая лексика: термины, политические идиомы (жаргонизмы), точно определяющие специальные понятия и имеющие ярко выраженный эмоциональный компонент, а также лозунговые слова, которые обладают комплексным значением, формулируя социально-политический постулат, и являются ключом для понимания целой группы ассоциативных понятий. К потенциально-политической лексике принадлежат единицы общего словаря.

В политическом лексиконе выделяют идеологически нейтральные слова, которые одинаково воспринимаются в смысловом или эмоциональном плане представителями разных идеологий, и идеологически маркированные узуальные или окказиональные лексические единицы, смысловое и прагматическое восприятие которых зависит от идеологической позиции коммуникантов.

Когнитивное и оценочное значение идеологизированных слов связано и детерминировано состоянием общественного сознания. Их определяющим свойством является системность (сохранение своего значения в определённом языковом поле) и политическая оценочность. Появление идеологически релевантных слов связано с лексической неологизацией под влиянием экстралингвистических факторов и семантической неологизацией нейтральных лексических единиц.

Идеологизация слов может также быть результатом целенаправленной деятельности политических структур по контролю над семантикой и прагматикой лексических единиц, узусом их употребления, который осуществляется через средства массовой информации и лексикографические материалы.

Условием актуализации идеологизированной лексики является использование её в социально ориентированных контекстах, сферах речевого общения. При этом употребление лексической единицы в идеологически маркированном или идеологически нейтральном контексте обуславливает развитие идеологизированного значения в слове общего употребления, либо идеологическую нейтрализацию значения лексической единицы.

Обозначить границы идеологически релевантной лексики практически невозможно. В отличие от относительно стабильного ядра, которое составляет концептуальная лексика, её периферия — более динамична. Однако в моменты государственной перестройки трансформациям подвергается и ядро идеологизированной лексики, о чём свидетельствует анализ фактического материала.

Приобретение или утрата словом идеологически обусловленного значения, а также вторичная идеологизация выражают различные способы отражения идеологического фактора, который состоит в сознательном выборе языковых средств изложения, обладающих определённой коннотацией, заложенной эксплицитно или имплицитно в лексическом значении. В процессе идеологизации и деидеологизации прослеживается и взаимосвязь языка политики со словарём общенародного языка. Эта связь используется при нормировании литературного языка, особенно, когда нормирование осуществляется с опорой на свой политический словарь (например, советский политический дискурс «la langue de bois»).

В условиях идеологической дифференцированности национального языка особенно явно прослеживается полисемичность и полиэмоциональность идеологизированной лексики. В новой идеологии некоторая часть прежнего понятийного аппарата сохраняется и наполняется иным содержанием. Полиэмоциональность состоит в выражении противоположных политических оценок одной и той же лексической единицы носителями различных идеологий.

Идеологические системы, функционирующие внутри социума, используют неодинаковый набор ценностей. Но могут быть и некоторые общие ценности. Особенность языка политики заключается в том, что одна и та же ценностная категория привлекается политическими структурами для обоснования различных действий.

В словарях противоположной идеологической направленности существует явление семантической бинарности, когда политическому термину соответствуют определения, заданные разными дифференциальными семантическими признаками.

Полисемичность и полиэмоциональность идеологизированной лексики обуславливает появление в речи двойных синонимов и двойных антонимов. Идеологически маркированные слова образуют четыре типа отношений [9:23].

Первый тип — это полная синонимия, при которой близки или тождественны как референтные, так и оценочные значения слов: «единство-сплочённость», «деспотизм-тирания». Полные синонимы связаны субститутивной связью и являются взаимозаменяемыми словами-субститутами.

Три последующих типа представляют собой оппозитивные отношения. К ним относятся:

1) Полная антонимия или противопоставленность предметных и оценочных значений слов. Полные антонимы обозначены термином «контративы», а связь между ними называют контрарной: «единство-раскол, вражда», «миролюбие-агрессивность».

2) Предметная синонимия при оценочной антонимии. Такое отношение называется конверсивным, а слова объединённые этой связью являются прагматическими конверсивами, так как они указывают на тождественные или сходные объекты действительности (корреференты), но присваивают им противоположные оценочные значения: «свобода-вседозволенность», «миролюбие-примиренчество»; «единство-стадность». Разная оценка одних и тех же предметов, явлений обуславливает выбор различной их номинации, что ещё раз подтверждает конструктивность не только семантического, но и прагматического плана языка.

3) Предметная антонимия при оценочной синонимии. Этот тип связи обратен конверсии, так как слова имеют противоположные предметные значения, но одинаковые оценочные коннотации: «единство-размежевание», «миролюбие-непримиримость», «агрессивность-примиренчество». Антонимичные в денотативном плане и синонимичные в прагматическом аспекте слова называются коррелятивами, а связь между ними будет коррелятивной.

Таким образом, полная синонимия означает, что одни и те же явления действительности одинаково оцениваются представителями различных политических направлений. При прагматической конверсии один и тот же объект оценивается ими по-разному.

Отношения контрарности, конверсии и корреляции существуют в языке не изолированно, а образуют целостную структуру, определяющую прагматическое использование лексики [9:23]. Схематично это представлено в виде квадрата, пересечённого диагоналями, что во французской филологии названо «семиотическим квадратом» (le carré sémiotique).

Данная структура является одним из способов организации лексического материала, когда некоторое понятие может быть передано при денотативном и коннотативном членении двумя положительнооценочными и двумя отрицательнооценочными лексемами, каждая из которых несёт чёткую идеологическую установку.

Явление двойной синонимии и антонимии показывает, что в современном политическом

дискурсе в отличие от советского языка политики, идеологический компонент лексического значения утрачивает свой фиксированный характер по отношению к слову, позитивные или негативные коннотации которого зависят от идеологической позиции интерпретаторов.

Такая оценочная амбивалентность является новым феноменом для нашей политической коммуникации по сравнению, например, с политическим дискурсом Франции, имеющим более давнюю историческую традицию идеологической структурированности.

1. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации. — К., 1997.
2. Горюнов В. К. Приёмы использования языка политики в целях идеологического воздействия // Язык как средство идеологического воздействия. — М., 1983.
3. Звегинцев В. А. Что происходит в советской науке о языке // Язык и социальное познание. — М., 1990.
4. Клаус Г. Сила слова: Гносеологический и прагматический анализ языка. — М., 1967.
5. Красухин К. Г., Sériot P. Analyse du discours politique soviétique (рецензия) // Вопросы языкознания. — 1991. — № 6.
6. Крючкова Т. Б. Язык политики в работах учёных ГДР // Язык как средство идеологического воздействия. — М., 1983.
7. Политология. Энциклопедический словарь. — М., 1993.
8. Стриженко А. А. Основные закономерности использования языка в буржуазной пропаганде // Язык и стиль буржуазной пропаганды. — М., 1988.
9. Эпштейн М. Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. — 1991. — № 6.
10. Язык в развитом социалистическом обществе. Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР. — М., 1982.
11. Sériot P. Analyse du discours politique soviétique. — Paris, 1985.